

ГЛАВА ВТОРАЯ

Папина дочка

В детстве мне все время твердили: «Будь хорошей девочкой». И я была.

Я росла в 1980-е и на первый взгляд жила счастливо. У меня были брат и сестра, жили мы в Иерусалиме. Я любила ходить в школу и гулять с друзьями. Мы встречались во дворе, забирались на крышу автобусной остановки и сидели там, пока мамы не звали нас к ужину. Мы катались на великах и отмечали дни рождения друг друга, где танцевали медленные танцы. Мы давали мамам поспать с двух до четырех дня, смотрели подростковые романтические комедии на видеокассетах, играли в «Пакмана» и пили кока-колу вместо воды. Одним словом, у меня было прекрасное детство и я не так уж стара. А мода 1980-х? Люди вечно смеются над пышными

«химиями» и гетрами, но мне больше всего запомнилось, каким шиком считалось носить носки, свитеры и резинки одного цвета. Я расписала по цветам всю неделю: понедельник — красный, вторник — зеленый, среда — белый и так далее. Нам казалось, что круче нас никто не одевается.

* * *

Я всегда была «той, у кого все под контролем». Многие старшие дети берут на себя эту роль. Например, именно я шутила за обеденным столом, когда требовалось разрядить обстановку или когда родители ругались.

Мне часто казалось, что в семье меня никто не понимает. Они будто видели меня только с одной стороны. Они видели меня ответственной, умеющей формулировать мысли и говорить о политике, умной, улыбочивой. И никто не подозревал о том, что у меня есть внутренний мир, что я хочу быть актрисой, сочиняю истории и рассказываю их своей собаке Сатти или записываю и не показываю никому. Никто не знал, что мне бывает грустно, что я чувствую себя нелюбимой и одинокой, а необходимость носить маску и играть роль выматывает меня. Никто не догадывался о моих мечтах, все замечали только мои успехи, и уже в детстве я отказалась от мысли открыть окружающим, что я собой представляю. Я лишь играла роль, которую мне навязали.

* * *

По будням мы с папой редко виделись. Он работал допоздна и чаще всего возвращался домой, когда мы, дети, уже спали. Можно сказать, мама воспитывала нас одна, и, задумываясь об этом сейчас, я, честно говоря, не понимаю, как ей это удавалось. Помню, как мы проводили лето: отец оставался дома, а мы с мамой ехали в Ирландию навестить бабушку и дедушку. Трое детей, два чемодана, набитых вещами на все лето, коробка «Мальборо лайтс». Тогда еще ни у кого не было ни айпадов, ни смартфонов, чтобы ткнуть в них детей в самолете (признайтесь, все так делали). Однажды мы опоздали на стыковочный рейс из Нью-Йорка. Дело было ночью, и мама отчаянно искала нам ночлег в незнакомом городе, мы же играли на эскалаторе в аэропорту: висели на поручнях, ехали сначала вниз, потом вверх, и это казалось лучше Диснейленда. Помню, как смотрела на маму — та стояла у авиакасс и пыталась найти другой рейс — и не понимала, почему она нервничает.

* * *

В детстве субботнее утро было для нас особенным. Мы забирались в кровать к отцу и боролись с ним. Целью игры было прижать его к матрасу; когда нам удавалось это сделать, он вырывался и скидывал нас. Мама кричала: «Все закончится слезами», и была права, но нас это не волновало. Для нас это был лучший момент за всю неделю, и мы никому не позволили бы нам помешать.

Папа был моим героем и первой любовью. Однажды вечером родители ругались, и я выскочила из кровати, чтобы защитить его. Не знаю, из-за чего началась ссора, — помню лишь, что они кричали, а мама плакала. На ней была белая ночная рубашка, она стояла бо-сиком; я замерла между ними и раскинула руки. Глупая! Моя мама крошечная, а отец был и по-прежнему остается очень сильным и физически, и по характеру — вряд ли она смогла бы его обидеть. Ругались они всегда яростно. Полагаю, в их ссорах было немало страсти, агрессивной страсти, которая никому не шла на пользу. В глазах восьмилетней девочки, отчаянно влюбленной в своего отца, такое поведение выглядело диким. Я пока не ви-дела нюансов, не знала причину скандалов, не вникала, кто виноват. Я лишь видела, что мама кричит, а отец тер-пит, словно жертва. Я часто задаюсь вопросом, как другие дети воспринимают родительские ссоры и одна ли я де-лала такой вывод. Я почему-то чувствовала ответствен-ность за скандалы, и это стало причиной моего одино-чества. Брат с сестрой будто выросли в другом доме: они, кажется, никогда ничего не замечали.

По вечерам я сидела на верхней ступеньке лест-ницы и слушала родителей. Они думали, что я сплю. Так я узнала, что такое любовницы в номерах отелей; увидела, как одежду выбрасывают из окна; услышала крики и поняла, как действует на людей водка. Много водки.

* * *

Папа был для меня всем и почти все детство казался непогрешимым. Он говорил мне, что его машина умеет летать, что он видит сквозь стены, что он самый сильный человек на земле. И я верила. Когда я не могла уснуть, он садился у моей кровати и теребил мне волосы, порой часами, пока я не засыпала. «Люблю тебя до Луны и обратно и до самого дна океана» — такая у нас была присказка, но она даже близко не описывала величину моей любви к нему. Он меня баловал. Привозил тонны подарков из командировок. Помню, однажды он вернулся поздно вечером и разбудил меня, чтобы поздороваться. Я открыла глаза, увидела гору игрушек на полу у кровати и подскочила от радости. На следующий день я соврала, что плохо себя чувствую, чтобы остаться дома и играть со всем этим.

А потом я узнала, что он не идеален.

В жизни большинства детей наступает момент, когда они узнают, что их родители — просто люди. Мне было лет двенадцать, когда я поняла это про отца. Из того, кто был всем моим миром, он превратился в обычного человека, вовсе не безупречного. Как многим папиным дочкам, мне было сложно примириться с этим открытием. Лишь через много лет я осознала: то, что он был плохим мужем, не делает его плохим отцом.

* * *

Папа стал для меня источником противоречий. С одной стороны, он твердил, что я должна быть умной, учиться, чтобы всего достичь и не наделать ошибок. Он уверял меня, что мужчинам нужно «только одно», а когда я стала подростком, не верил, что я могу сделать правильный выбор. Меня загоняли домой до нелепости рано, я первой уходила с вечеринок, он не разрешал мне ночевать даже у подруг, не то что у парней. Он также ясно дал мне понять: факт, что я родилась девочкой, всегда будет для меня препятствием. Уверена, он не хотел этого, но я помню, как однажды он сказал, что, будь я мужчиной, меня было бы не остановить. С тех пор я потратила много лет, пытаюсь доказать ему, что меня не остановить, хоть я и женщина.

С раннего детства я понимала, что мой пол — это бесконечные ограничения. Большинство женщин в моем окружении сидели дома, растили детей и готовили ужины, в то время как мужчины работали, пили виски с колой и курили сигары, принимали решения и контролировали финансы. Я часто слышала, как мама и ее подруги жаловались, что в браке ощущают себя беспомощными и попавшими в капкан.

По выходным мы с двоюродными братьями, сестрами, тетями и дядями устраивали большой пикник в лесу. Я до сих пор помню запах сухой земли и сосновых шишек, жару, музыку, красные щеки моих дядей, наслаждающихся виски. Мужчины сидели за столом, а женщины

сновали с тарелками, как официантки, и утихомирили детей. Помню, я очень жалела, что не родилась мальчиком.

* * *

Папа долго поддерживал меня финансово, даже когда мне перевалило за двадцать. Он оплатил мое образование, и за это я буду ему вечно благодарна. С ранних лет он внушал мне, что я должна окончить университет и стать независимой, подталкивал меня к адвокатской карьере. Тогда мне не хватало духу сказать, что я не этим хочу заниматься, что юриспруденция — не мое. Одна из главных причин, почему я молчала, — страх: вдруг, выбрав другую карьеру, я попросту его разочарую? Как ни парадоксально, даже когда я перестала быть юристом, образование продолжало помогать мне в жизни. Но я так и не смогла отделаться от чувства вины. Это не дает мне покоя каждый раз, когда мы с папой видимся: нет ничего хуже ощущения, что ты подвела родителей. Даже если тебе сорок и ты знаешь, что сделала правильный выбор.

Мои отношения с отцом менялись по мере взросления. Из папиной дочки я превратилась в женщину, которую он толком не знал. Для него, наверное, ничего по существу не изменилось, но мне было сложно поверить, что он любит меня вопреки всему. Я думала, что, если бы он знал меня — не ту, какой представляет, а настоящую, — это было бы недостаточно. Я очень боялась этого, но еще больше устала притворяться кем-то другим.

Когда я перестала быть улыбчивой девочкой, которая постоянно всех мирит и ведет умные беседы на скучные темы, когда я бросила карьеру, о которой мечтал он, а не я, — я почувствовала, что нас больше ничего не связывает. Наши отношения рассыпались на глазах. Доходило до нелепого: однажды я сказала ему, что курю и скрывала это много лет, чтобы он не разочаровался, а он ответил, что давно знал. Я поняла, что ему тоже нужно было верить в мою безупречность. Вот только у меня это закончилось в детстве, а он продолжал цепляться за иллюзию.

Когда я наконец нашла мужество признаться отцу, что еду в Лондон и буду учиться актерскому мастерству, я думала, он от меня отречется. Помню, я сидела напротив него в кабинете и пыталась объяснить, что просто не могу иначе. Я сказала, что, даже если он перестанет любить меня, мне все равно. В глубине души я ведь верила, что он может отвернуться.

Он выслушал меня почти молча, потом в какой-то момент вскочил и бросился навстречу. Помню, я подумала, что он вот-вот меня ударит, поэтому закрыла лицо. Не знаю, почему я так решила, ведь он никогда меня не бил. Но он не ударил — он обнял меня и произнес: «Хорошо, я все понимаю, я с тобой, я с тобой».

Я была рада, что он поддерживает меня и что поможет с оплатой обучения, но больше всего на свете мне хотелось услышать, что он гордится мной.

Он этого так и не сказал. Или сказал, но не так, как было нужно мне.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

